

Живет в Самаре (Россия). О себе: "По образованию биолог, по профессии журналист. Стихи публиковались в журналах "Мир фантастики" и "Конец эпохи", проза - в издательстве "Форум" и "Амфора" (серия ФРАМ)."

* * *

От нового года никак не деться; спрячь фото и скрой лицо...
И елка макушкой вонзалась в сердце, - но справился, молодцом.
Луна в твою голову целит мило: ты нынче ее мишень;
И колются россыпью щедрой иглы, оставшиеся в душе.
...Вот снова, за все и за всех в ответе, и выглядя, как дурак,
Ты спел восемьсот колыбельных детям — они не заснут никак.
И в душу по капле течет отравы, и зло заполняет мир:
ОНА, несомненно, имела право, но, все-таки! — черт возьми.
Но мысли — иллюзия, не снаряды с написанным криво «Фак!»;
И то, что она где-то там, а не рядом — тупой непреложный факт.
Легла на весь мир полоса косая; мир шепчет, и ловит слух:
«Что ж, матери даже детей бросают, не то что тебя, лопух».
...Заснули; пусть не городам и весям, не так, чтоб хвала и честь,
Но в звуках простых колыбельных песен, наверное, что-то есть...
Надежда под злобой растет, нагая, с лихвой заполняя грудь -

И ты поднимаешься, и шагаешь, желая ЕЕ вернуть,
Пусть там медовы и дни, и ночи, с другими ей хорошо...
Дорогу ты знаешь не то чтоб очень, но все-таки ты дошел.
Слова репетировал, речь итожа, но вот он, конец пути;
И пес хоть порывивает, но все же позволит тебе войти.
...Бредешь, словно тень, пуглив, неприкаян, и так же, как тень, немой:
Рекою здесь пахнет и тростниками – с чего ей хотеть домой?
Но вдруг - под ногой как паркет накатан, и цель не найти верней:
Ты вспомнить не сможешь потом, «а как там», ты просто пришел за ней.
Ни слов сожаленья, ни слов надежды – порою легче молчать,
И вы идете, как прежде – рука в руке, плечо у плеча.
И в лодку садитесь, и тают латы, а думал – металл прирос...
И чувствуешь – вслед вам глядит кудлатый, с тремя головами пес.

* * *

Город вечен, а значит, в нем и чего только не бывает.
Только видеть не обязательно, чтобы знать:
Утром тысячи жаворонков на лету догоняют трамваи,
И трамваи взлетают, чтоб проще было догнать.
А как улицы смежат веки, станет город уютно-сонным,
В дреме видит все то, что будет незнамо где –
В этот час по притихшим улочкам большеглазые бродят совы,
Лишь слегка преображенные под людей.
Птицам утренним – звать зарю, не страдая по дням минувшим,
Птицам ночи – следить, что высмотрит глаз-алмаз...
Совы, жаворонки на город удивленно глядят, проснувшись,
До того он заметно меняется каждый раз.
Вечер – к ночи, за ней – рассвет: схема выверена, упруга,
В макраме заплетаются жизни, за нитью нить.
...И вот так они по очереди охраняют покой друг друга,
Потому что иначе как его охранить?

* * *

И деревья смотреть умеют:
каждый листик подобен глазу.
Молодыми они нас видят,
и влюбленными видят тоже.
Нас они замечали в скверах
в теплом, сочно цветущем мае,
и затем, пожелтев, следили,
как промозглой осенью руки
мы в карманы друг друга прячем.
Но потом облетают листья -
облегченно можем вздохнуть мы:

новым листьям с нуля предстанем,
ни обетов, ни притязаний.
Все, что в прошлом, забудь и выбрось -
год закончен. И здравствуй, новый.
...Но деревья умеют помнить:
всё, что листьями наблюдали,
по стволу уходило в корни,
там теперь на века хранится.
Подойдешь ты, и ствол обнимешь -
тихо всё о тебе расскажут:
Молодыми они нас помнят,
и влюбленными помнят тоже...

[Страница автора в Сети](#)